

на которых говорится о Тимоне Афинском. Трансформация детали, занимающей в доказательствах П. Н. Беркова едва ли не ключевое положение, не выходит за пределы обычных для Эмина переделок. На этом фоне ссылка на поэму Козачинского теряет доказательность — до тех пор, пока не будет как минимум установлено знакомство Эмина с этой книгой.

Подобное же происходит и с деталями письма № 52, которые в построении П. Н. Беркова приобретают вид намеков на Хераскова.⁴⁸ Никанор «силится взползти на самый верх Парнаса, но Пегас заднею ногою его оттуда сшиб. Итак, он вступил теперь в службу ябеды» (IX, 174). Во французском подлиннике, отразившемся и на этот раз в «Адской почте» в своей прямой последовательности, говорится о сумасшедшем «писце судебных протоколов», одержимом желанием «вскарabкаться на Парнас», но получившем удар в нос подковою Пегаса (D 348—349). Согласно толкованию П. Н. Беркова, последняя деталь имела в виду картинку на титульном листе книги «Философические оды или песни Михаила Хераскова» (1769), а фраза о поступлении «в службу ябеды» могла быть связана со слухами об ожидавшемся переезде Хераскова в Петербург и назначении его в один из департаментов Сената. Весьма, однако, странным представляется, что последовательность использования страниц оригинала столь уместно подошла под текущие события и дала комбинацию двух столь характерных реалий, из которых одна воспроизвела ошибочные слухи о переходе поэта на поприще «ябеды».

Итак, оценивая предполагаемые намеки в «Адской почте» на реальные лица и события, необходимо в каждом случае скрупулезно сопоставлять текст Эмина с текстом Ленобля и «Лорнетов». Совпадение реалий, хотя бы и в трансформированном виде, а также одинаковая последовательность сатирических зарисовок во французских памфлетах и русском журнале могут быть важными свидетельствами того, что сатира предполагалась обобщенной. С другой стороны, инверсия материала в «Адской почте», особенно в совокупности с трансформацией и введением отсутствующих во французском тексте подробностей, соотносимых с фактами русской жизни 1760-х гг., могут быть признаком конкретизирования и актуализации насмешки, имевшей основой наблюдения бесов в Париже. В этом отношении показателен портрет стихотворца Ергаста, содержащий предположительно выпады против Сумарокова.⁴⁹ Контаминировав в этом письме (№ 13), направленном против сочинителей, материал из 1-го и 2-го памфлетов (D 71—75, 52—53), Эмин затем обращается к 6-му, где выбирает несколько строк о виршеплете Гакусе, который «пыта-

⁴⁸ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века, с. 168—169.

⁴⁹ Гуковский Г. А. Эмин и Сумароков, с. 85—86; Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века, с. 262.